

СОВРЕМЕННЫЕ ИСЛАМСКИЕ ТЕЧЕНИЯ И ГРУППЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Заид Абдулагатов¹

Фундаментализм и модернизм в массовом сознании мусульман Северного Кавказа (по результатам социологических опросов в республиках Дагестан, Чечня и Кабардино-Балкария)

Аннотация: Актуальность исследования связана с продолжающейся активной деятельностью радикально-салафитских группировок на Северном Кавказе, особенно в Дагестане. Автор поставил задачу выявить наличие салафитских составляющих в массовом религиозном сознании мусульман Северного Кавказа. Основная гипотеза исследования сводилась к тому, что в массовом исламском сознании региона салафитское сознание распространено в достаточной степени, в связи с чем можно было бы говорить о наличии солидной социальной базы «ваххабитской» деятельности в регионе. Основным методом исследования ситуации – социологический опрос в сочетании с методом восхождения от абстрактного к конкретному. Анализ результатов опроса показал: а) высокий уровень религиозности населения трех республик; б) наличие в религиозном сознании различных степеней проявления салафизма в отношении светских законов; в) салафитское сознание региона имеет тенденцию к росту.

Ключевые слова: салафизм, фундаментализм, ваххабизм, экстремизм, модернизм, сознание, светское, религиозное, закон, Северный Кавказ.

¹ Кандидат философских наук, заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Zaid Abdulagatov. FUNDAMENTALISM AND MODERNISM IN MASS CONSCIOUSNESS OF MUSLIMS OF NORTHERN CAUCASUS (ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCHS IN DAGHESTAN, CHECHNYA AND KABARDINO-BALKARIYA)

Abstract: Relevance of research associated with the ongoing activities of the active radical Salafist groups in the North Caucasus, especially in Daghestan. The author set out to identify the presence of Salafi components in mass religious consciousness of Muslims in the North Caucasus. The main hypothesis of the study was to ensure that the mass consciousness of the region's Islamic Salafi consciousness spread sufficiently, in connection with which we could speak of a solid social base "Wahhabi" in the region. The basic method of study of the situation – a sociological survey in conjunction with the method of ascent from the abstract to the concrete. Analysis of the survey results showed: a) a high level of religiosity of the three republics, and b) the presence in the religious consciousness of various degrees of manifestation of Salafism against secular laws, and c) Salafi consciousness region tends to increase.

Key words: Salafism, fundamentalism, Wahhabism, extremism and modernism, consciousness, secular, religious, law, the North Caucasus.

Предварительные замечания

В условиях Северного Кавказа проблемным проявлением исламского сознания является религиозно-политический экстремизм. По данным Центра ситуационного анализа (ЦСА), которым руководит академик Е.М. Примаков, число активных членов радикальных исламских бандформирований на Северном Кавказе приблизительно составляет 4500-5000 человек. В то же время российские эксперты считают, что наиболее опасная религиозно-политическая ситуация сложилась в Дагестане [Неотложная к решению проблема, 2012]. Только в 2009 г. в РД совершены около 200 посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, в результате чего погибли 70 милиционеров (полицейских). В том же году в ходе спецопераций уничтожены 140 боевиков. Коренного перелома в этом силовом противостоянии еще не произошло.

К вопросу о салафитском сознании на территории Республики Дагестан автор неоднократно обращался в социологических опросах 2000, 2004, 2007, 2010, 2011 гг. Естественно, делать выводы о северо-

кавказском массовом религиозном сознании на основе этих исследований не было достаточных оснований.

Выбор для анализа ситуации в Кабардино-Балкарской Республике и Чеченской Республике наряду с Республикой Дагестан неслучаен. Событие 13-14 октября 2005 г. – нападение боевиков на г. Нальчик – было знаковым явлением. В результате вооруженного конфликта погибли 12 мирных граждан, 35 сотрудников правоохранительных органов, были убиты 95 нападавших сторонников салафитского переустройства жизни в республике. По истечении более чем шести лет вопрос о взаимоотношениях с салафитами в КБР до сих пор остается острым.

Выбор Чечни также обусловлен особенностями исламского религиозного сознания в данной республике. В ЧР наблюдаются самые высокие в регионе показатели исламской религиозности. События конца XX в., когда радикальный салафизм в Чечне служил идеологией сепаратизма, вооруженной агрессии на территорию соседней республики, до сих пор свежи в памяти нынешнего поколения. Было бы ошибочно считать, что появление радикального салафизма как в Чеченской республике, так и в других субъектах северокавказского региона было спровоцировано исключительно внешними факторами.

Тенденция к обострению ситуации наблюдается и в связи с изменениями, происходящими в массовом сознании. Относительно недавно считалось, что население достаточно равнодушно относится к противодействию власти радикальным религиозным группировкам. Как утверждал начальник отдела по борьбе с религиозным экстремизмом УБОП МВД КБР Беслан Мукожев, «экстремисты из КЧР и Чечни проникают в Кабардино-Балкарию не без помощи местных жителей» [Урусова, 2005]. События последних лет в Дагестане также показывают, что начался процесс перехода от позиции «равнодушных» к активной помощи «лесным братьям». В одном из проблемных в отношении радикального салафизма районов Дагестана (Кизлярский район) причиной активности членов незаконных вооруженных формирований (НВФ) представители власти считают, «что многие местные жители оказывают им активную помощь <...> сочувствующих еще больше» [Арсланов, 2012]. Неоднократные обращения властных структур в РД (Министерство внутренних дел РД, Министерство по национальной политике и др.) к населению с просьбой о содействии правоохранительным органам в борьбе против религиозно-политического экстремизма оказались безрезультатны.

Данная тенденция опасна тем, что она объединяет в группы НВФ не только борцов «за чистый ислам», но и тех, кто озабочен проблемами социальной справедливости, кто выражает протест коррупции, преступности в правоохранительной системе, вседозволенности в сфере чиновничьей деятельности. Несмотря на различия в социальном составе, причины, по которым молодые люди выражают свой протест обществу и государству, идеологическое обоснование даже бандитских преступных деяний часто выражается на основе салафитской идеологии.

При анализе явлений фундаментализма и модернизма в массовом сознании населения указанных республик автор исходит из того, что салафитские идеи имели свое проявление как в истории политических процессов, так и в чисто конфессиональном развитии исламской религии в регионе. Явление, подобное ваххабизму, было еще во времена Кавказской войны в XIX в. Как писал М. Шевченко, известный журналист, бывший главный редактор газеты «НГ-Религии», член Общественной палаты РФ,

«ваххабизм является религиозно-правовым учением, традиционным для дагестанского региона. Какие-то признаки ханбалитского мазхаба, принципы «чистого ислама» присутствовали уже в идеологии движения под руководством Имама Шамиля» [См.: Шевченко, 1999; См. также: Письмо Магомед-кадия акушинского Шамилю 1847 г., 1959, с. 561-563].

Известно также, что в творчестве дагестанца Мухаммада аль-Кудуки из с. Кудутль (ныне Гергебильского района РД), родившегося в 1652 г., были заложены идеи, отрицающие слепое подражание мазхабам, т.е. следование таклиду. А отрицание таклида – одно из главных положений сторонников «чистого» ислама в среде салафитов. Известный дагестанский востоковед М.-С. Саидов в своей статье «Дагестанская литература XVIII-XIX вв.» писал: «Кудутлинский ... не желая слепо подражать шафиитским законооведам, широко высказывал свое мнение...» [Цит. по: Шихсаидов, 2006, с. 222-223.]. Другой известный востоковед И.Ю. Крачковский показывает, что аль-Кудуки был тесно связан со знаменитым ученым-богословом Салихом Йеменским, был его учеником. Салих Йеменский «отрицал то, что утверждают суфии об открытии сокровенного» [Крачковский, 1960, с. 579-580.], – это одна из салафитских позиций, интенсивно обсуждаемых и отвергаемых дагестанскими тарикатистами [См. напр.: Ильясов, 1997]. Далее И.Ю. Крачковский

пишет о том, что йеменский учитель дагестанских богословов «был горяч и упорен в том, что требовалось доказательствами, и не обращал внимания на традиции» [Крачковский, 1960, с. 577], т.е. положения таклида, следование мазхабам он считал необязательными. Данная позиция также определяет религиозное мировоззрение Салиха Йеменского как салафитское, т.е. «ваххабитское». Салиха Йеменского как салафита характеризует и то, что он широко пользовался процедурой иджтихада в его консервативном применении. Иджтихад – это процедура, противоположная таклиду, это отрицание таклида, отрицание некритического следования традиции, сложившейся в мазхабах. Современный традиционный ислам в Дагестане категорически отвергает возможность отхода от мазхабов, так как это считается ваххабизмом, отходом от ислама [Аль-Бути, 2004; Мухидинов, 2004].

В Дагестане, благодаря Мухаммаду ал-Кудуки и другим встречавшимся с Салихом Йеменским, «повсюду распространялись сведения о нем» [Цит. по: Крачковский, 1960, с. 583]. Благодаря этому влияние идей Салиха Йеменского на Дагестан, по мнению И.Ю. Крачковского, сказывалось как в течение всего XVIII в., так и позже – «оно сохраняло силу даже в начале XX в.» [Крачковский, 1960, с. 580].

Таким образом, очевидно, что салафитские идеи в дагестанском исламском сознании имеют место исторически длительное время. Важно заметить, что Салих Йеменский умер в 1697 г., то есть до рождения Абд аль-Ваххаба (1703 г.). Естественно предположить, что проявляющееся в социологических опросах индивидуальное салафитское сознание дагестанцев, не объединенных в политические структуры, секты, а потому не представляющих опасности для государства и общества, имеет свои глубокие исторические корни и обоснование.

Как следует из одного важного исторического источника [Абд ал-Хафиз ал Ухли, 2008, с. 194-200; Мантаев, 2005, с. 43-46; Письмо Магомед-Кадия акушинского Шамилю 1847 г., 1959, с. 561-563], острые богословские дискуссии между салафитами и суфиями имели место в Дагестане и в начале XX в.

В отличие от салафизма, модернистские тенденции в исторической ретроспективе северокавказского исламского дискурса обозначены слабо. Отдельные зачатки этого явления в деятельности Абусуфьяна Акаева, Али Каяева [Акаев, 1902; Акаев, 1909; Наврузов, 2000; Али ал Гумуки, 1915a; Али ал Гумуки, 1915b] в Дагестане в конце XIX –

начале XX вв. по разным причинам не нашли своего развития [Абдулагатов, 2006, с. 108-120].

Особенности выборки социологических опросов

В Кабардино-Балкарской Республике опрос проводился в г. Нальчике и в сельском населенном пункте Яникой Чегемского района республики. Городское население – 52,1 %, сельское – 47,9 %. Опрос проведен среди студентов КБГУ, жителей г. Нальчик, студентов Кабардино-Балкарского исламского университета, в МОУ СОШ с. Яникой Чегемского района КБР, среди жителей с. Яникой того же района. Число опрошенных – 231 человек.

В Чеченской Республике опрос проведен среди учащихся Грозненской гимназии № 4, жителей г. Грозного, в Чеченском государственном университете (исторический факультет). Автор воспользовался тем обстоятельством, что в республике организована доставка студентов ЧГУ из сельских районов республики на занятия и обратно. Студенты помогли провести опрос в ряде сельских районов ЧР. В результате среди опрошенных оказались представители следующих сельских населенных пунктов республики: с. Элистанжи, Мантаниц, Алхан-кала, Аллерой, Новые Атаги, Бамут, Дачу-Барзой, Новый Шарой (Мартановский район), Чеген-аул, Турши-хутор, Джалка, Гой-чу (Урус-Мартановский район), Нижний Нойбер, Гордаш-Юрт, Толстой-Юрт, Самашки (Ачхой-Мартановский район), Закан-Юрт (Ачхай-Мартановский район), Шали, Бердыкель (Грозненский район), Пхамидой (Шатойский район), Гуни (Веденский район), Кошкельды (Гудермесский район), Беркат-Юрт, Старые Атаги, Садовое, Мелчхи (Гудермесский район), Бено-Юрт. В составе выборки оказались и жители станиц Ассиновская, Наурская, Червленая, Мелчхи, поселка Войково (Октябрьский район), г. Гудермес. Данное обстоятельство положительно повлияло на репрезентативность выборки. Число опрошенных – 269 человек.

Опросы в ЧР и КБР проведены в мае – сентябре 2011 г.

В Республике Дагестан опрос проводился в семи сельских районах и двух городах. Сельские районы: Ботлихский, Дахадаевский, Казбековский, Каякентский, Кизлярский, Магарамкентский, Ногайский, Хунзахский. Города: Махачкала, Кизляр. В различной степени опросом

были охвачены все три географические зоны Дагестана, сельское и городское население. Общее число опрошенных – 494 человека. В статье использованы результаты как этого, так и других опросов, проведенных в республике.

Результаты опросов обрабатывались относительно числа данных ответов, а не числа опрошенных. Так как в отдельных вопросах респондент мог не дать никакого ответа, в том числе и вариант «Затрудняюсь ответить», общее число ответов имело небольшие различия в зависимости от конкретного анализируемого вопроса. С этим связано некоторое процентное несовпадение общих ответов всей выборки на один и тот же вопрос, просуммированных по различным группам опроса, например, по социальному положению, возрасту или региону. Эти различия оказались не существенны, и ими можно пренебречь.

Результаты социологических опросов

Уровень религиозности

Необходимо отметить высокий уровень заявленной религиозности мусульман в трех республиках, что очевидно по данным следующей таблицы.

Таблица № 1. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваше отношение к вере». РД. КБР. ЧР. (%). N – 1010.

Отношение к вере Регионы	Убежденный верующий	Верующий	Коллеблющийся	Безразличный	Неверующий	Убежденный неверующий	Не думал над этим	Затрудняюсь ответить
Республика Дагестан	9,6	59,5	8,3	2,0	4,3	1,6	2,8	0,6
Кабардино-Балкарская Республика	3,0	69,5	2,4	2,9	5,1	0,0	10,2	0,0
Чеченская Республика	55,4	42,9	0,0	0,4	0,0	0,0	0,9	0,0
Общее	25,6	58,7	5,5	1,5	2,8	0,7	3,2	0,3

Таблица дает самые общие представления о религиозности населения республик. Основная масса опрошенных (84,3 %) заявляет о том, что они верующие люди. Тем не менее между ними имеются различия, которые уже на этом этапе исследования характеризуют особенности их религиозности. Это касается различий в проявлениях типов религиозности. Наибольшие притязания на «убежденную веру» проявляют в ЧР: их показатели по этому пункту в 2,2 раза больше среднего по трем республикам, в 4,3 раза – по сравнению с КБР. В ЧР наиболее высок и общий показатель верующих – 98,3 %. Необходимо отметить, что показатели религиозности молодежи выше, чем у старшего поколения. В Дагестане эта разница равна примерно 5 %. У молодых людей трех республик более высокими оказались показатели и салафитского сознания, что в сумме определяет тенденцию усиления в будущем позиций исламского сознания в регионе.

В рамках проекта Voice of the People исследовательский холдинг ROMIR Monitoring провел в 2012 г. в России исследование религиозности ее населения. Как оказалось, 57 % россиян считают себя людьми религиозными. Причем в Южном федеральном округе был зафиксирован самый высокий показатель – 62 % [Дейнега, 2006]. В общероссийских показателях уровень религиозности старшего поколения выше, чем у молодежи – 65 % против 49 %. Очевидно, что в исследуемых республиках Северного Кавказа уровень религиозности значительно выше общероссийских показателей. А главное, религиозность в разрезе «молодежь – старшее поколение» имеет иную структуру. Что характерно для состояния мирового религиозного сознания, то здесь, как в России в целом, не только более низкие общие показатели его уровня (66 %), но также и более высокие показатели у старшего поколения – 70 % против 63 %.

Приведенные данные могут служить основанием для вывода о том, что процессы религиозного возрождения в северокавказском регионе не стабилизировались, и роль религиозного сознания усиливается. Автор исходит из убеждения, что рост общих показателей религиозности в регионе среди молодежи способствует росту салафитского сознания населения в целом. Религиозно-политический экстремизм возникает не иначе как на почве обыкновенного религиозного экстремизма.

«Основной вопрос фундаментализма» в массовом религиозном сознании

Безотносительно к общему уровню религиозности мусульманского населения трех республик важно выяснение уровня фундаменталистских (салафитских) составляющих (настроений) в структуре их исламского сознания.

Под фундаментализмом в аспекте практических показателей (индикаторов) имелась в виду обращенность религиозного сознания к консервативному выбору религиозных ценностей, ориентация на исторически первые формы исламского богочитания, отрицание исламского модернизма, положительная оценка верующими отдельных позиций «ваххабитов» в вопросах исламской веры и др. Фундаментализм в исламе проявляет себя не столько как признание приоритетов религиозных ценностей перед светскими – эта общая и вполне понятная позиция для салафитов, суфиев и представителей других течений в исламе – сколько в отрицании адаптации к светским условиям жизни. Салафит, так или иначе, ставит вопрос о непризнании условий светского государства, соответственно, ставится вопрос о мирном или насильственном переустройстве общественной и государственной жизни на основе шариатских норм.

Одним из главных в выявлении салафитских составляющих исламского сознания в ряде исследований для автора был вопрос о том, какой должна быть исламская религия сегодня: такой, какой была при Пророке Мухаммаде, или она должна изменяться, так как меняется жизнь. Этот вопрос можно было бы назвать основным вопросом исламского фундаментализма. Те, которые считают необходимым внесение изменений в ислам, так как жизнь меняется, *условно* названы «модернистами». Те, кто за возврат к исламу времен Пророка Мухаммада, – «фундаменталистами».

Такая методика выявления фундаменталистских составляющих исламского сознания, которая применялась в ряде опросов в Дагестане, вызвала недовольство ДУМД, ряда исследователей в Дагестане и за его пределами. Конкретно это выражалось в том, что часть экспертов посчитала постановку вопроса некорректной. По их мнению, любой последовательный в вере мусульманин поддержит идею ислама времен Пророка – «чистый» ислам. Ввиду этого называть всех фундаменталистами будет неверно. Хотя с точки зрения критериев социологической науки вопрос был задан корректно, так как были

предложены два противоположных варианта ответа, которые вместе с возможностью отказа выбрать какой-либо из них («Затрудняюсь ответить») создавали необходимую полноту выбора. Это корректность вопроса с формальной точки зрения.

С точки зрения его содержательной корректности необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, как оказалось, по результатам нескольких опросов 2000, 2004, 2006 гг., не все мусульмане «фундаменталисты». Так, в опросе 2000 г. среди «верующих по традиции» 33,3 % опрошенных отметили «модернистскую» позицию ответа. Даже среди называющих себя «убежденно верующими» таковых оказалось 13,6 %, в общей выборке – 24,9 %. «Фундаменталистами» в том же опросе себя обозначили 54,5 % выборки.

Во-вторых, главное заключалось не в том, чтобы по ответам на этот вопрос точно и окончательно определить процентные группы «фундаменталистов» и «модернистов» в выборке. По ответам на данный вопрос выявляются две гипотетические группы верующих. В дальнейшем через ответы на другие вопросы анкеты уточняются и формируются их религиозные характеристики. В философии такой метод обозначен как метод восхождения от абстрактного к конкретному, поэтому в методологическом плане ответы на данный вопрос не являются окончательными для каких-то выводов. Не являясь даже промежуточными, они служат начальным звеном «прощупывания» особенностей религиозного сознания мусульманина. Как оказалось, гипотетические группы «фундаменталистов» и «модернистов» в своем вербальном религиозном поведении в ответах на другие более конкретные вопросы анкеты показывали и доказывали неслучайность своих ответов на заданный выше «основной вопрос» фундаментализма.

В приведенных ниже диаграммах даны результаты распределения ответов на «основной вопрос» фундаментализма в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня.

Распределение ответов на вопрос: Как Вы считаете...?

– Мусульманская религия должна быть такой, какой была при Пророке Мухаммаде;

– Мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь;

– Затрудняюсь ответить.

Диаграмма № 1. Дагестан. 2007 г. N – 451 (ответов на вопрос)

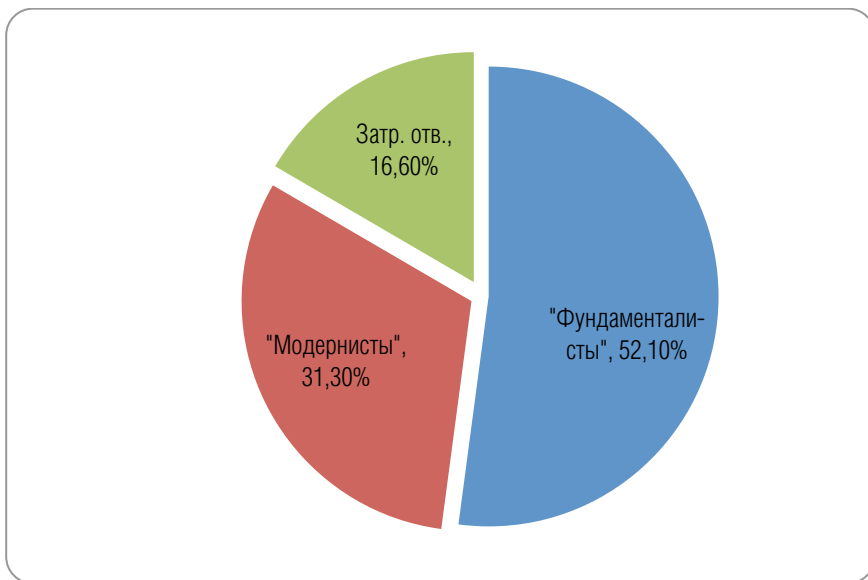
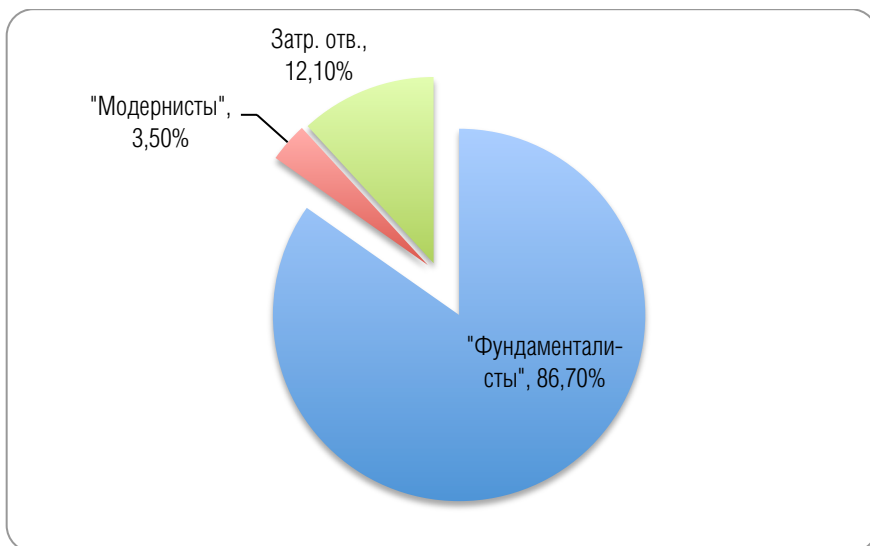
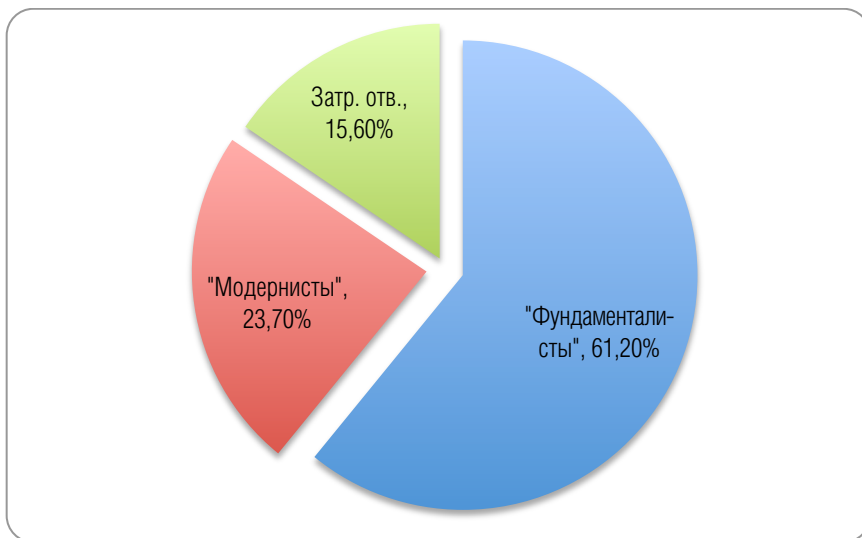

Диаграмма № 2. КБР. 2011 г. N – 286 (ответов на вопрос)

Диаграмма № 3. ЧР. 2011 г. N – 256 (ответов на вопрос)*Диаграмма № 4. Общее (КБР. РД. ЧР). N – 993 (ответов на вопрос)*

Необходимо заметить, что в молодежной среде склонность к «фундаменталистскому» пониманию ислама намного выше, чем средние показатели по региону. Соответственно, в этой же среде менее проявляет себя «модернизм». Эта тенденция еще больше выражена в исламских учебных заведениях.

Таблица № 2. Распределение ответов на вопрос, должна ли мусульманская религия меняться со временем, или должна оставаться такой, какой была при Пророке Мухаммаде. РД. N – 574. 2010 г. Молодежь (в %)

Группы по отношению к адаптации \ Группы выборки	Общее	Светское учебное заведение	Исламские учебные заведения
«Фундаменталисты»	77,6	63,1	89,1
«Модернисты»	9,6	12,2	3,3
Затрудняюсь ответить	12,8	24,7	7,6

Салафизм и «антиваххабитский» закон

Одним из вопросов, с помощью которых уточнялась позиция респондента в отношении исламского фундаментализма и модернизма, был вопрос о его отношении к существующим или возможным «антиваххабитским» законам государства.

Отношение верующих к «ваххабизму» на Северном Кавказе является одним из «пробных камней», который позволяет говорить о том, к какому типу исламского сознания – салафитскому или модернистскому – можно отнести респондента. В связи с этим в опросах в РД, КБР и ЧР был задан вопрос о необходимости запрета ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического экстремистского течения. В КБР 1 июня 2001 г. вслед за другими республиками Северного Кавказа был принят Закон № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»¹.

Такой же Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» был принят НС РД 16 сентября 1999 г. В 2001 г. указом Президента А. Кадырова «ваххабизм» был запрещен на территории Чеченской Республики. По

¹ В настоящее время закон отменен.

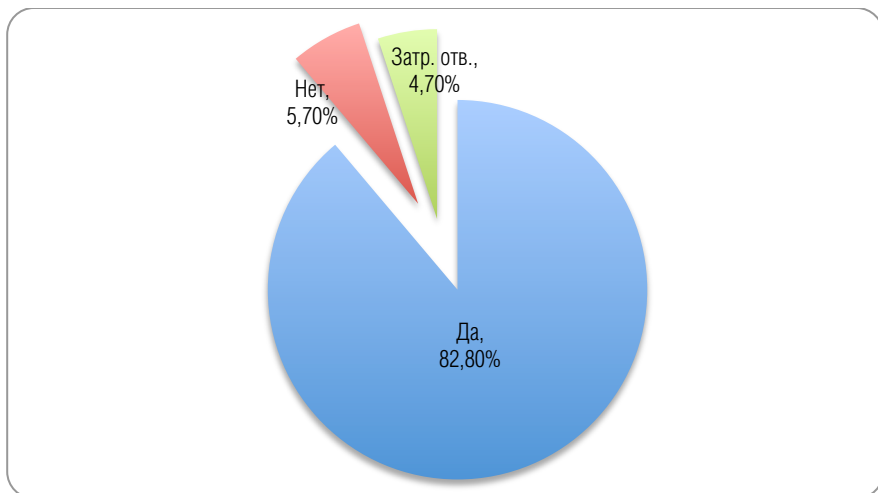
поводу этих законов, особенно закона РД, идут острые дискуссии, охватившие различные слои населения. По сути дела, общество разделилось в своих оценках. Попытки Народного собрания РД расширить «антиваххабитский» закон республики до масштаба общероссийского закончились неудачей. Объяснить это можно двояко. Во-первых, в законопроекте термину «ваххабизм» придавался не религиозный, а политический смысл. В нем не было четкого правового определения ваххабитской деятельности, которая рассматривалась как одна из форм экстремистской деятельности вообще, также не были выявлены особые признаки ваххабитской экстремистской деятельности, которые позволили бы отличать ее от иных форм экстремизма. Они не указывались, поскольку они вообще вряд ли могут быть определены как таковые. А без этого выделение ваххабизма как идеологической основы особой формы религиозной экстремистской деятельности лишается смысла.

Более того, использование терминов «ваххабитская деятельность» и «ваххабитские объединения» вносит неопределенность и путаницу в действующее законодательство и препятствует точному и юридически корректному его применению для пресечения экстремистской деятельности религиозных объединений. В частности, принятие законопроекта могло привести к тому, что религиозные объединения и отдельные граждане смогут привлекаться к ответственности не за конкретные противоправные деяния, а за отстаивание определенных взглядов и политических позиций, которые могут быть отнесены к «ваххабитским». Без точного определения этого понятия в законе одна только оценка взглядов как «ваххабитских» была бы достаточна для обвинения их последователей в экстремизме. В результате для привлечения религиозного объединения и его членов к ответственности вместо доказательства реальных фактов ведения экстремистской деятельности было бы достаточно отнести их к «ваххабитским» и «ваххабитам» [Сюкияйнен, 2011].

В 2002 г. в РД вопрос о ваххабизме был задан в следующей форме:
Как Вы считаете, «ваххабизм» – религиозно-экстремистское течение, которое должно быть запрещено во всей территории России?

- Да;
- Нет;
- Затрудняюсь ответить.

Диаграмма № 5. Распределение ответов по позиции: «Ваххабизм» как религиозно-экстремистское течение должен быть запрещен на всей территории России». РД. 2002 г. N = 460

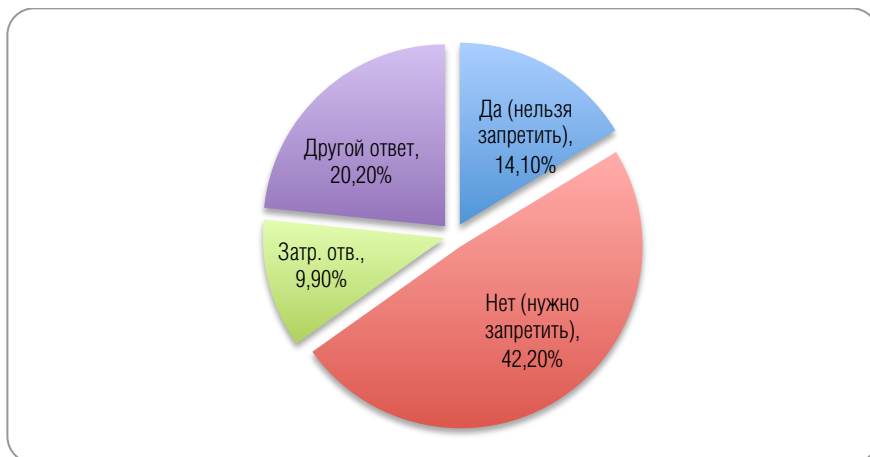
Представляют интерес ответы на тот же вопрос, но сформулированный в другой форме.

Особенность вопроса была в том, что в формулировке не было выражения «Ваххабизм – религиозно-экстремистское течение», которое надо было оценить. Новая формулировка звучала так:

«Как Вы считаете, «Ваххабизм» – это мусульманское религиозное течение. Его запрет – ограничение свободы вероисповедования, которое нельзя допустить.

- Да;
- Нет;
- Затрудняюсь ответить;
- Что другое хотите сказать по этому поводу?»

Диаграмма № 6. Распределение ответов по позиции: «Ваххабизм нельзя запретить, так как это будет ограничением свободы вероисповедования». РД. 2002 г. N = 460

Дагестанцам был отдельно задан вопрос об их отношении к принятому в РД «антиваххабитскому» закону.

Диаграмма № 7. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к принятию «антиваххабитского» закона в РД?» РД. 2002 г. N = 460.

В данном случае оценки несколько сместились в сторону салафитских позиций. В частности, относящихся отрицательно к запрету «ваххабизма» в РД почти в два с половиной раза больше, чем в целом по России. По оценкам же экспертов, наоборот, в России в целом такой закон не нужен, но в Дагестане он был необходим¹. Объяснить различия в позициях дагестанцев по этим казалось бы одинаковым вопросам можно тем, что часть дагестанцев озабочена не столько защитой религиозно-политических проявлений салафизма, но мирных конфессиональных потребностей верующих.

Анализируя данные диаграммы № 7, необходимо обратить внимание еще на следующее. Форма вопроса в диаграмме отражала официальную точку зрения, связанную с отождествлением ваххабизма и экстремизма, которая была выражена в названии и содержании «антиваххабитского» закона РД.

Во втором случае оценивалась позиция, более свойственная представителям салафизма, не вовлеченным в религиозно-политические структуры, часто называемым «умеренными» салафитами.

Как видно из сравнения диаграмм № 6 и № 7, в отношении второго проявления ваххабизма запрет поддерживается на более чем 40 % меньше, чем в первом случае. Это означает, что в действительности ваххабизм как религиозно-политический экстремизм оценивают 42,2 % опрошенных.

Таким образом, можно говорить о двух тенденциях в общественном мнении дагестанцев в отношении ваххабизма:

1. Религиозно-политическая форма салафизма («ваххабизма») как проявление экстремизма преобладающим большинством населения РД (82,8 %) не одобряется. Она, по их мнению, должна быть запрещена законодательно.
2. В то же время неполитические формы умеренного салафизма в общественном мнении находят меньше протеста (42,2 %), хотя и в этом случае законодательный запрет «ваххабизма» в массовом сознании дагестанцев преобладает.

¹ Эта оценка высказана доктором философских наук, главным редактором газеты «Все об Исламе», помощником Председателя Совета муфтиев России Али-Вячеславом Полосиным в личной встрече с автором в сентябре 2002 г. Как сказал А-В. Полосин, «с принятием всероссийского антиваххабитского закона всех приезжающих в Москву северокавказцев милиция будет хватать еще на вокзалах».

По вопросу запрета ваххабизма часть респондентов дала ответы по пункту «Что другое хотите сказать»? Наиболее характерными из них были следующие:

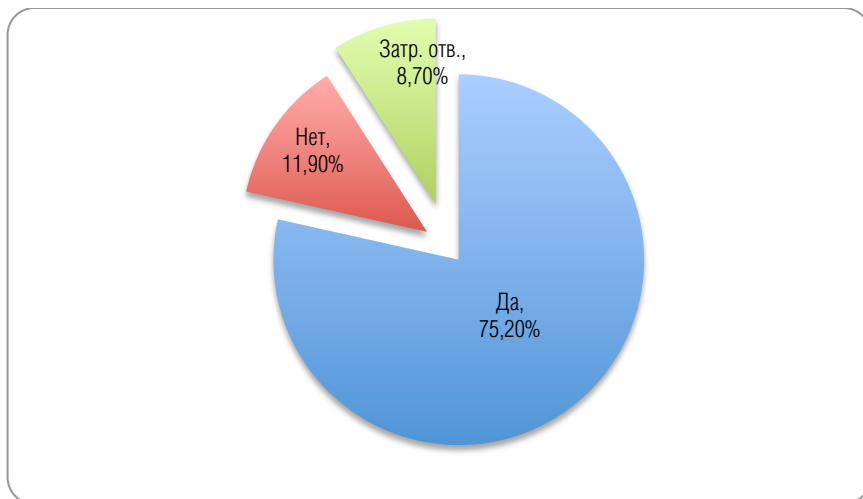
- запретить ваххабизм нужно, но запрет должен быть временным;
- закон должен быть против тех, кто использует ваххабизм против интересов общества;
- умеренный салафизм (без экстремизма) допустим;
- закон о ваххабизме не действует;
- под действие закона попадают «стрелочники»;
- закон о ваххабитах есть попытка задним числом и одним ударом решить сложную проблему, не имеющую такого простого решения;
- ваххабизма нет, это политика;
- экстремизму нет места в цивилизованном обществе;
- закон должен быть доработан (работник народного образования);
- запретить невозможно, разрешить нельзя;
- ваххабиты – враги народа.

Еще один немаловажный штрих к характеристике салафизма – это ответы верующих на вопрос «Какую религию, если Вы верующий, исповедуете?». В отличие от других, в данном опросе было предложено одним из вариантов ответа указание на тот мазхаб, которого придерживается респондент. Как оказалось, лишь незначительная часть выборки – менее 1% – ответила на этот вопрос. Автор склонен считать, что респонденты не то что не захотели, а скорее не знали ответ на этот вопрос.

Полученный результат говорит и о том, что проявление салафитского сознания у массового верующего весьма смутно: он не только не отдает себе отчета в том, что возврат к салафизму времен Пророка Мухаммада и праведных предков предполагает отказ от следования мазхабам (таклид), но и в каком мазхабе он исполняет свои исламские обязанности.

В проведенных в КБР и ЧР в 2011 г. опросах отношение к правовому запрету «ваххабизма» выявлялось ответами на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?». По сути, этот вопрос повторял один из заданных вопросов о салафизме в Республике Дагестан.

Диаграмма № 8. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете ваххабизма на всей территории России как религиозно-политического течения?» КБР. 2011 г. N – 286.

Необходимо заметить, что в соответствующем законе КБР не сделано акцента на понятии «ваххабизм», как это имеет место в законе РД. Его название начинается со слов: «Закон Кабардино-Балкарской Республики “О запрете экстремистской религиозной деятельности...”». Тем не менее в дискурсе о противодействии религиозному экстремизму в различных общественных, политических, религиозных кругах КБР широко используется это понятие. Оно же используется и в научных публикациях авторов, которые исследуют проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе [Акаев, 1999, с. 46; Аккиева, 2009, с. 136; Ярлыкапов, с. 22].

Анализ ответов на данный вопрос в разрезе «фундаменталистов», «модернистов» и «затруднившихся ответить» на вопрос о необходимости перемен в исламском сознании показал:

1. Среди «модернистов» считающих необходимым запрет «ваххабизма» больше, чем среди «фундаменталистов» и «затруднившихся» в ответе на основной вопрос фундаментализма – 82,6 %, 74,2 % и 65,3 % соответственно.

2. «Фундаменталисты» больше, чем две другие группы, считают, что необходимости в запрете «ваххабизма» на всей территории России нет («Фундаменталисты» – 13,9 %; «Модернисты» – 8,1 %; «Затруднившиеся ответить» – 12,2 %).

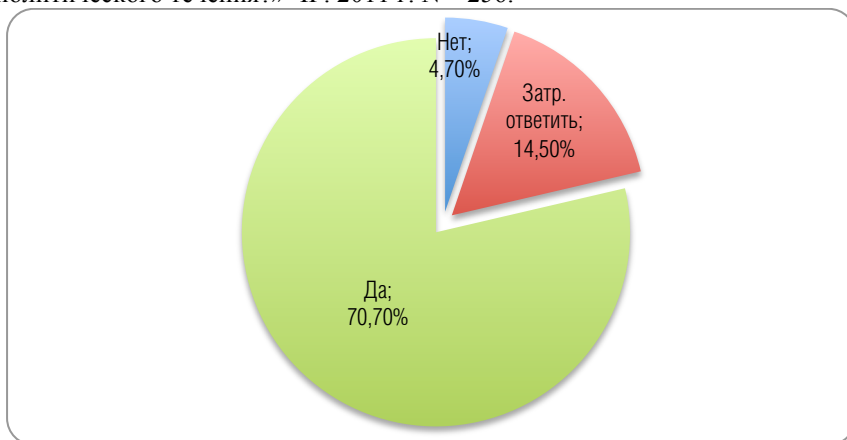
Президент А. Кадыров в 2001 г. после разгрома федеральными войсками «ваххабитских» военных формирований своим указом запретил на территории Чечни деятельность «ваххабитских» религиозных организаций. Это означало закрытие «ваххабитских» мечетей и неформальных религиозных учебных заведений [Фонд «Мечеть», 2011].

Если быть объективным, указ о запрещении ваххабизма в Чечне фактически означал, что к экстремизму приравнивается всякое несуннитское течение. А. Кадыров предложил принять федеральный закон, запрещающий ваххабизм.

Тем не менее, салафитское сознание в Чечне до сих пор находит поддержку. Привлечение молодежи в ряды салафитов как в Чечне, так и во всем северокавказском регионе носителями исламской идеологии продолжается. Свою роль в этом многофакторном процессе играет и зарубежное исламское образование. Считается, что в настоящее время такое образование получают 500 молодых людей из ЧР.

В диаграмме № 9 даны результаты опроса в ЧР в отношении «антиваххабитского» закона.

Диаграмма № 9. Распределение ответов на вопрос «Есть ли необходимость в запрете «ваххабизма» на всей территории России как религиозно-политического течения?» ЧР. 2011 г. N – 256.

В таблице № 3 даны общие результаты ответов в трех республиках на вопрос об отношении к всероссийскому антиваххабитскому закону.

Таблица № 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в запрете «ваххабизма» на всей территории России как религиозно-политического течения?» (%). РД, КБР, ЧР. N – 993.

Группы выборки \ Варианты ответов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
РД	82,8	5,7	4,7
КБР	75,2	11,9	8,7
ЧР	70,2	4,7	14,5
Общее	75,6	7,8	9,8

Несмотря на то, что преобладающее большинство опрошенных высказались за запрет «ваххабизма» на всей территории РФ, говорить о том, что это есть протест ваххабизму вообще, не приходится. Как было показано на примере Дагестана, запрет ваххабизма как *религиозного течения* одобряют 42,2 %, что почти в два раза меньше поддерживающих общероссийский антиваххабитский закон (82,8 %). К сожалению, такой вариант вопроса не был задан в КБР и ЧР.

Салафизм и отношение к законам государства

В опросе была поставлена цель выявить, как влияет состояние религиозного сознания населения, в особенности молодежи, на соблюдение норм, определяемых светскими законами.

В «традиционном» исламе мусульманин не может не признавать верховенство законов шариата над светскими. Он может следовать светским законам, оставаясь в то же время в рамках требований ислама. Такое противоречие между сознанием и поведением не выводит человека из ислама. Другое дело, что следование светским законам – законам, данным человеком, а не Аллахом – не допускается салафитами, мусульманскими фундаменталистами. В противном случае верующий выходит из мусульманства. Об этом же говорят многочисленные заявления салафитских лидеров НВФ на Северном Кавказе. В радикальном салафизме, в религиозно-политическом экстремизме

эта позиция находит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманину нельзя судить или присягать суду шайтанских (сатанинских) законов, помимо законов, ниспосланных Аллахом; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)» [Ярлыкапов, 2000, с. 7].

Вопрос, заданный респондентам, звучал следующим образом:
«Должен ли верующий (мусульманин) соблюдать все законы государства?»

Варианты ответов:

- Да, если законы не противоречат вере;
- Да, в любом случае, так как всякая власть от Бога;
- Что другое (напишите);
- Затрудняюсь ответить».

Как показали результаты опроса в трех республиках, основная масса опрошенных (57,2 %) считают, что в условиях, когда светский закон противоречит вере, его можно не соблюдать. Нетрудно заметить, что религиозное сознание в светском государстве таких противоречий найдет немало.

По этим позициям («салафитская» и «светская») имеются различия по отдельным республикам. Так, наибольшую склонность к салафизму (наименьшую «светскость») проявило население ЧР: 73,6 % и 11,3 % соответственно. Неповиновение государству по религиозным причинам менее всего готовы проявить мусульмане в КБР – 45 %, в РД – 56,1 %.

Эти показатели светских и религиозных ориентиров в массовом сознании находят более контрастное выражение в молодежном сознании. Так, в группе молодежи «салафизм» в отношении светских законов проявили 60,5 % (старшее поколение – 53,3 %), необходимость соблюдения законов в любом случае – 14,4 % (старшее поколение – 20 %). Наибольший «салафизм» в ответах на данный вопрос проявила молодежь ЧР – 75,5 %.

В общей выборке (КБР, ЧР) в ответах на данный вопрос высокие показатели склонности к салафизму проявили группы «убежденно верующие», «фундаменталисты», «молодежь».

Обращает на себя внимание то, как выражают себя в отношении законов государства «фундаменталисты» и «модернисты» из группы молодежи. На примере Дагестана ситуация выглядит следующим образом.

Во-первых, считающих нормы шариата выше законов государства в данной группе оказалось намного меньше доли верующих: 51,4 % против 95 %.

Во-вторых, у «фундаменталистов» приоритеты норм шариата выше законов государства – 58,1 % против 14,0 % «модернистов», тогда как «модернисты» отдают больше предпочтения законам государства: шариат – 26,9 %, законы государства – 46,2 %.

В-третьих, на вопрос, могли бы молодые люди по каким-то жизненным обстоятельствам оказаться в рядах «лесных братьев» («ваххабитов»), 75 % опрошенных ответили: «никогда». Среди «модернистов» их оказалось больше – 82,7 %. Позиции «возможно» и «да» в совокупности отметили 11,6 % «фундаменталистов» и 9,6 % «модернистов». Ответ «Да» у молодых мужчин РД составляет более 6 %. В реальном выражении это более 50 000 граждан республики. Для мирной жизни маленькой республики это много. Известно, что именно эта салафитская составляющая дагестанского общества есть основная социальная база деятельности незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе. Статистика силового противодействия НВФ в Дагестане показывает, что среди задержанных, арестованных, осужденных, уничтоженных в ходе антитеррористических операций доля молодежи составляет от 65 % до 75 %. Дагестанская и чеченская молодежь активно участвует в деятельности «Свободной сирийской армии». По информации японской исследовательницы Хитоми Таникава, которая имела непосредственный контакт с дагестанскими и чеченскими участниками сирийской оппозиции, численность чеченских участников составляет несколько тысяч человек. Дагестанских участников, по данным республиканских СМИ, меньше, несколько сотен человек. По информации Хитоми Таникава, в ходе боевых действий в Сирии северокавказцы одновременно заняты зарабатыванием денег, в том числе и методом продажи трофейного оружия. Деньги высылаются на родину, и главным образом для финансирования религиозно-экстремистской организации «Имарат Кавказ»¹. Основная причина, притягивающая кавказских боевиков, прежде всего чеченцев, в Сирию, конечно, солидарность со всемирным джихадом и идея создания «шариатского эмирата» на какой-либо «спасенной» части исламского мира. В Сирии активные боевые действия ведет

¹ Из содержания личной беседы автора с Хитоми Таникава 4 октября 2013 г.

«Армия мухаджиров», руководимая Умаром Шишани. В ней участвуют около 2000 кавказцев. Северокавказские мусульмане ведут боевые действия в составе и других групп сирийской оппозиции, объединенных под названием «Сирийская свободная армия».

Главный вывод исследования заключается в том, что исламский фундаментализм (салафизм) в массовом сознании мусульман Северного Кавказа есть явление распространенное и имеющее историческое основание. Салафитская идеология имеет большее влияние на молодежь региона, чем старшее поколение, что определяет процесс усиления позиций салафизма в регионе в будущем. Толерантное в стабильных условиях социально-экономической, политической жизни общества и государства салафитское сознание приобретает радикально-экстремистский характер в кризисные периоды общественного развития, что и наблюдается в регионе. Особую остроту этому явлению придает то обстоятельство, что салафитская идеология становится знаменем не только протестных движений чисто религиозного, но и общесоциального характера, вплоть до ее использования преступными группировками для достижения сугубо криминальных целей.

Библиография

- Абд ал-Хафиз ал Ухли. Достоверные ответы благочестивому брату. Перевод с арабского Шихалиева Ш.Ш. // Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Приложение. – Махачкала: Изд-во ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – С. 194-200.
- Абдулагатов З.М. Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 6. – С. 108-120.
- Акаев А. Иршаду ассибьян. – Темирхан-Шура: Изд-во «Мусульманское издательство» М.- Мавраева, 1909.
- Акаев А. Усул джадид. – Казань, 1902.
- Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? – Махачкала: Изд-во ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 46 с.
- Аккиева С.И. Ислам в КБР. – М.: Логос, 2009. – 136 с.
- Али ал Гумуки. Об ал-иджтихаде и ат-таклиде // «Джаридат Дагестан». На арабском языке. 3–16 октября 1915 г. – №№ 40, 41.
- Али ал Гумуки. Проблемы иджтихада и ее вырождение // «Джаридат Дагестан». На арабском языке. 17 октября 1915 г.
- Аль-Бути Мухаммад Сайд Рамадан. Отказ от мазхабов – опаснейшее из нововведений, угрожающих Шариату. – М.: Ансар, 2004. – 112 с.

- Арсланов А. Лесные истории // Новое дело. – 20 апреля 2012.
- Дейнега Д. Каков уровень религиозности жителей планеты? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dmitryda.narod.ru/reports/votpr-2005.htm> (дата обращения 26.10.2013).
- Ильясов И.-Х. Ваххабизм – тяжелый недуг ислама // Ас-салам. – Январь 1997.
- Крачковский И.Ю. Дагестан и Йемен // Избранные сочинения. Т. VI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – сс. 579-580, 577. – 740 с.
- Мантаев А.А. Суфизм и ваххабизм в Дагестане в конце XIX – начале XX века // Исламская цивилизация. – №1. – 2005. – С. 43-46.
- Фонд «Мечеть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mechet.perm.ru> (дата обращения 05.06.2011).
- Мухидинов Ш. Кому нужна модернизация ислама? // Дагестанцы. – № 2. – 2004.
- Наврузов А. Газета «Джаридат Дагестан» – историко-культурный памятник: дисс. на соискание уч. степени к.ист.н. – Махачкала, 2000.
- Неотложная к решению проблема // Российская газета. 04.04.2012.
- Письмо Магомед-Кадия акушинского Шамилю 1847 г. // Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 561-563.
- Шевченко М. Этноконфессиональные факторы единства России // НГ-Религии. 27 ноября 1999.
- Сюкийянен Л. О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/syk/prav_sred.php (дата обращения 20.11.2011).
- Урусова Г. Мусульманам Нальчика пока хватает одной Соборной мечети // Советская молодежь. Нальчик. 22.06. 2005 г.
- Фехим Таштекин. Дорога к всемирному джихаду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arntoday.info/default.asp?Lang=Ru&NewsID=94328>. (дата обращения 31.10.2013).
- Шихсаидов А.Р. ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи. Т. I. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2006. – сс. 222-223.
- Ярлыкапов А.А. Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2000. – 22 с.

References

- Abd al-Hafiz al Uhli. (2008), “Dostovernnye otvety blagochestivomu bratu” [Perevod s arabskogo Shihalieva Sh.Sh.], in Z.M. Abdulagatov, *Islam v massovom soznanii dagestancev*, Prilozhenie, IIAJe, Mahachkala, pp. 194-200.
- Abdulagatov, Z.M. (2006), “Vahhabizm i dzhadidizm v dagestanskom islamskom soznanii: paralleli i protivorechija”, *Central'naja Azija i Kavkaz*, No. 6, pp. 108-120.
- Akaev, A. (1909), *Irshadu assibjan*, Izdatel'stvo «Musul'manskoe izdatel'stvo» M.-Mavraeva, Temirhan-Shura.
- Akaev, A. (1902), *Usul dzhadid*, Kazan'.
- Akaev, V.H. (1999), *Sufizm i vahhabizm na Severnom Kavkaze. Konfrontacija ili kompromiss?* Izdatel'stvo Instituta IAJe DNC RAN, Mahachkala, 46 p.
- Akkieva, S.I. (2009), *Islam v KBR*, Logos, Moskva, 136 p.
- Ali al Gumuki. (1915a), “Ob al-idzhtihade i at-taklide”, *Dzharidat Dagestan*, Na arabskom jazyke. 3-16 oktjabrja, №№ 40, 41.
- Ali al Gumuki. (1915b), “Problemy idzhtihada i ee vyrozhdenie”, *Dzharidat Dagestan*, Na arabskom jazyke. 17 oktjabrja.
- Al'-Buti Muhammad Sajd Ramadan. (2004), *Otkaz ot mazhabov – opasnejshee iz novovvedenij, ugrozhajushih Shariatu*, Ansar, Moskva, 112 p.
- Arslanov, A. (2012), “Lesnye istorii”, *Novoe delo*, 20 aprelya.
- Dejnega, D. (2006), “Kakov uroven' religioznosti zhitelej planety?”, available at: <http://dmitryda.narod.ru/reports/votp-2005.htm>. (accessed 26 October 2013).
- Il'jasov, I.-H. (1997), “Vahhabizm – tjazhelyj nedug islama”, *As-salam*, Janvar'.
- Krachkovskij, I.Ju. (1960), “Dagestan i Jemen”, *Izbrannye sochinenija*, T. VI, Izdatel'stvo AN SSSR, Moskva-Leningrad, pp. 579-580, 577.
- Mantaev, A.A. (2005), “Sufizm i vahhabizm v Dagestane v konce XIX – nachale XX veka”, *Islamskaja civilizacija*, No. 1, pp. 43-46.
- Fond “Mechet”, available at: <http://mechet.perm.ru> (accessed 5 June 2011).
- Muhidinov, Sh. (2004), “Komu nuzhna modernizacija islama?”, *Dagestancy*, No. 2.
- Navruzov, A. (2000), *Gazeta “Dzharidat Dagestan” – istoriko-kul'turnyj pamjatnik*, PhD thesis, Mahachkala.
- “Neotlozhnaja k resheniju problema”, *Rossijskaja gazeta*, 04.04.2012.
- “Pis'mo Magomed-Kadija akushinskogo Shamilju 1847 g”, (1959), *Dvizhenie gorcev severo-vostochnogo Kavkaza v 20-50-h godah XIX v.*, Dagknigoizdat, Mahachkala, pp. 561-563.
- Shevchenko, M. (1999), “Jetnokonfessional'nye faktory edinstva Rossii”, *NG-Religii*, 27 nojabrja.

- Sjukijajnen, L. (2007), “O pravovyh sredstvah bor’by s islamskim jekstremizmom i osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj politiki v otnoshenii islama”, available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/syk/prav_sred.php (accessed 20 November 2011).
- Urusova, G. (2005), “Musul’manam Nal’chika poka hvataet odnoj Sobornoj mecheti”, *Sovetskaja molodezh’*, Nal’chik, 22 June.
- Fehim Tashtekin. (2013), “Doroga k vsemirmomu dzhihadu”, *Armenia Today*, available at: <http://armtoday.info/default.asp?Lang=Ru&NewsID=94328>. (accessed 31 October 2013).
- Shihsaidov, A.R. (2006), “al-Kuduki”, *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii*. T. I, Izdatel’stvo “Vostochnaja literatura”, Moskva, pp. 222-223.
- Jarlykapov, A.A. (2000), *Problemy vahhabizma na Severnom Kavkaze*, Izdatel’stvo Instituta jetnologii i antropologii RAN, Moskva, 22 p.